

Э.С. КУЛЬПИН

Истоки государства Российского: от церковного собора 1503 года до опричнины.

Статья 1

Становление Российского государства было неразрывно связано с созданием государственного аппарата, главная часть которого - военные служилые люди. При неразвитых налоговой системе, обмене, торговле, надежным (в глазах служащих) видом оплаты явилось предоставление во временное пользование (за службу) поместий - земли, где работали крестьяне, которые должны были кормить помещиков. С самого начала жизнеспособность и сила государства Российского находились в прямой зависимости от способности "испоместить" растущий аппарат служащих. Система поместного владения была введена в правление первого Государя Всея Руси Ивана III (1462-1505), тогда же было положено начало основных процессов, определивших историю России вплоть до наших дней. Исходя из объективных реалий второй половины XV века, государство было поставлено перед необходимостью секуляризации церковных земель. Вся последняя четверть XV века характеризуется постепенным переносом акцента с процесса соединения русских земель под эгидой Москвы на процесс испомещения госаппарата, на подчинение церкви государству, на секуляризацию ее владений. Поскольку церковь владела землей на основе традиций, т.е. обычного права, нужно было их сломать. Иван III предложил собору проект реформы: "У митрополита и у всех владык и у всех монастырей села поимати и вся к своим соединити... митрополита же и владык и всех монастырей из своей казны издоволити и хлебом изоброчити из своих житниц". Иными словами, речь шла не просто о секуляризации церковных земель, но о превращении церкви в часть государственного аппарата. Эпицентр борьбы пришелся на церковный собор 1503 года, на котором столкнулись в идеологической дискуссии нестяжатели и иосифляне. Именно тогда решался вопрос: должен ли монах (а затем, по норме той же морали, и любой смертный на Руси) жить только личным трудом или он может жить за счет труда других? Главные действующие лица: Нил Сорский, стоявший за первый вариант, Иосиф Волоцкий - за второй, и Государь Всея Руси Иван III, получавший при победе нестяжателей моральное право экспроприации церковных владений. Государь потерпел поражение.

Его внук - знаменитый Иван Грозный - уже не посягал на земельную собственность церкви. Церковный собор 1551 года и последующие лишь ограничивали рост церковного землевладения, но не рассматривали проблему секуляризации. На это решился представитель следующей династии - Петр I.

Кульпин Эдуард Сальманович - доктор философских наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, руководитель Центра социоэкономических исследований Академии городской среды.

А к т 1. Москва, лето 1503 года

Главные действующие лица

Иван III. Блистательный политик, вызывающий у одних историков восхищение, у других почти омерзение за макиавеллизм. Если и не был "атеистом", то никакого почтения к религии и церкви не выказывал, стремился превратить церковь в составную часть аппарата управления государства.

«По своим личным качествам Иван III как нельзя лучше подходил на роль могильщика политического суверенитета русской церкви, - пишет историк Н. Борисов. - Человек сильной воли, большого ума и беспредельного честолюбия, московский князь, был практически лишен всяких "сдерживающих центров" по отношению к религии и церковной иерархии... был убежден, что, вопреки евангельскому изречению, бог не в правде, а в силе. "Государь всея Руси" в равной степени был готов протянуть руку и "римлянам", и ограбившим православные киевские храмы "бессерменам", и поклонявшимся "земле и небу" новгородским еретикам, и даже самому Сатане - хотя бы и не Вельзевулу, а лишь носившему это прозвище литовскому митрополиту» [1, с. 162].

Иван III активно использовал церковь в деле собирания земель, вмешивался в борьбу за власть внутри церкви, находил временных союзников среди иерархов [1, с. 188]. В одном, несмотря на княжеское давление, на крутое и бесцеремонное обращение, князя с опальными церковниками, церковь стояла до конца: не шла на экспроприацию, своих земель. Даже обязанный великому князю изволением из монастырской "ледовой" тюрьмы и своим возвышением новгородский архиепископ Геннадий, когда речь шла о собственности (выражаясь словами летописца) на соборе 1503 года, злобно "лаял" на князя. Великий князь лавировал. Иногда и его союзников-иерархов приговаривали к суровым наказаниям, и ему стоило больших трудов спасти их. В наказаниях нередко включались жестокие избиения. В знак протеста против морального и физического давления со стороны светской власти митрополит дважды покидал свой пост. Однажды он принудил Ивана III к русской "Каноссе" (повиновению под угрозой отречения от церкви). Второй раз тот же прием не сработал.

Главным аргументом великого князя было наличие у него военной силы, не идущей ни в какое сравнение с войском удельных князей или бояр, и отсутствие твердых правовых гарантий суверенитета у церкви. Иван III запугивал церковных иерархов. Никто, даже митрополит не был гарантирован от применения физического насилия. Митрополит несколько раз пытался сбежать из тюрьмы-монастыря, и каждый раз был "пойман" князем. К моменту открытия собора митрополит психологически был, видимо, сломлен, и лишь единодушная жесткая позиция иерархов заставляла его действовать решительно.

Нил Сорский. Главным идеологом нестяжательства был Нил Сорский, происшедший из московской семьи, близкой к великокняжеской фамилии, отказавшийся от мирской карьеры и основавший свой скит на реке Сорке, протекавшей в низменной заболоченной местности, где постоянно вились тучи комаров. "Нилова пустынь не была поселением отшельника-анахорета. Нил отверг общину ради скита... Скиту не нужен был ни игумен-управитель, ни учитель-наставник. Служение ближним приобретало чистый вид: "брат братом помогает". Нил звал к отказу от богатств... Монахам следовало жить в пустынях и кормиться "от праведных трудов своего рукоделия", - писал Р. Скрынников [2, с. 98, 109]. Учение Нила Сорского близко к идеологическим постулатам западноевропейской церкви - спасению через труд, завету "молись и работай", к тем идеалам, которые обеспечили Западной Европе "прорыв" в будущее, заложили основы "духа капитализма", но оно не было столь четким и последовательным.

Жизнь по примеру Сорского была нелегкой: тяжелый физический труд, отсутствие любых, даже мелких чувственных радостей жизни, антисанитарные жилищные условия, намеренное истязание плоти не способствовали массовому притоку адептов к

Нилу. "В массе черное духовенство осталось глухо к проповеди Нила. Лишь немногие избранные откликнулись на его призыв..." [2, с. 98].

Иосиф Волоцкий. Партию иосифлян возглавил игумен Иосиф Волоцкий, в миру Санин. Он также выступал за личное нестяжательство, без усталы трудился сам, не гнушаясь тяжелой работой и подавая личный пример трудолюбия, тем не менее не считал физический труд обязательным для монаха, требовал от братии строгой дисциплины и обязательного повиновения.

"Ни одна обитель не имела более строгого устава, чем Иосифов монастырь, - указывал Скрынников. - Подробный свод всевозможных запрещений служил как бы подпоркой твердого монашеского жития. Санин верил в грозного судию Христа Вседержателя, карающего мировое зло... Подвиги монахов, поощрявшиеся властями, носили традиционный характер. Особое место среди них занимали не требовавшие большой душевной работы (в отличие от Нила Сорского. - Э.К.), но крайне утомительные поклоны... Наказания, установленные игуменом за всевозможные проступки, не шли ни в какое сравнение с добровольно взятыми на себя подвигами... В исключительных случаях инока приговаривали к "сухоядению", некоторых сажали "в железо". Новшества Иосифа снискали его обители славу по всей Руси" [2, с. 102].

Рачительный хозяин, вотчинник-феодал Иосиф Волоцкий, решительно отвергал стяжание как средство личного обогащения, в собственности и богатстве монастырской общины видел средство для оказания помощи нуждающимся крестьянам, заболел и об эстетической стороне восприятия религиозных догматов. В целом это была сложная и привлекательная для восприятия средневекового человека личность. Иначе, с позиций просвещенного XIX века, его оценивал В. Ключевский: "Это был человек порядка и дисциплины, с сильным чутьем действительности и людских отношений, с невысоким мнением о людях и с великой верой в силу устава и навыка, лучше понимавший нужды и слабости людей, чем возвышенные качества и стремления души человеческой" [3, с. 266].

Действие 1. Когда собор стал противиться намерениям князя, по инициативе последнего был вызван в Москву Санин. Однако идеолог личного нестяжательства не оправдал надежд государя и решительно высказался против экспроприации церковных земель. Исход прений на соборе 1503 года (по версии Ю. Алексеева, опирающейся на анализ литературно-церковного произведения "Слово иное") был в конечном счете связан "с чисто случайным, но фундаментально важным фактом" - болезнью великого князя: "скорее всего, его постиг удар (по теперешней терминологии - инсульт)" - Историк детально описывает, как это произошло. Непосредственной причиной стал протест монахов Троицкого монастыря, в споре которых с крестьянами царь защитил последних. Старцы организовали массовую демонстрацию протеста. Непрерывно предавая анафеме государя, дряхлые отшельники маршем пошли на Москву, кто на телегах, кто на носилках, сопровождаемые сторонниками из простого люда (и надо полагать, как всегда просто любопытными). Молва о марше взволновала столицу и так психически воздействовала на великого князя, что у него отнялись рука, нога и глаз, что было расценено как божье наказание за святотатство. Иван III не пошел на собор, не сказал своего решающего слова [4, с. 218-220]. Сторонники секуляризации не преодолели сопротивление церкви, и этот факт имел далеко идущие последствия.

Акт 2. Москва, 1565

Главные действующие лица

Царь Иван IV Грозный. По традиции он представляется жестокосердным и свирепым самодуром, утверждавшим право на самодержавие, право на принятие всех решений одному человеку - царю. Ключевский утверждал, что "Иван IV был первый из московских государей, который узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника Божия", что обострением внутренней вражды в обществе путем бесцельной и неразборчивой резни он расстроил успешно

начатые внутренние реформы и внешние предприятия, внес в общество страшную смуту [3, с. 184-187].

Народ. Безликий в своей многоликости, но активно действующий.

Историческая панорама. Государство в средневековье нуждается прежде всего в деньгах и солдатах. Устойчивым поставщиком того и другого в земледельческом государстве при развитом обмене и дефиците пашни являются свободные пахари [5, с. 201-210]. При становлении Московского государства не было развитого обмена, и оно отвернулось от свободных пахарей. Как писал Ключевский, "основой народного хозяйства в этом государстве остается по-прежнему земледельческий труд вольного крестьянина, работающего на государственной или частной земле, но государственная земля все более переходит в руки нового военного класса, создаваемого государством, и вместе с тем все более стесняется свобода крестьянского труда, заменяясь хозяйственной зависимостью от служилого землевладельца" [3, с. 99].

"В удельные века содержание немногочисленного служилого люда обеспечивалось тремя главными источниками, - продолжал историк. - То были: 1) денежное жалование, 2) вотчины, приобретению которых служилыми людьми содействовали князья, 3) кормления, доходы с известных правительственных должностей, на которые назначались служилые люди. В XV и XVI веках эти удельные источники были уже недостаточны для хозяйственного обеспечения все разраставшегося служилого класса... Успешным собиранием Руси Московский государь-хозяин приобрел один новый капитал: то были обширные пространства земли, пустой или жилой, населенной крестьянами. Только этот капитал он и мог пустить в оборот для обеспечения своих служилых людей" [3, с. 202].

В середине XVI века, после массовых испомещиваний XV века, этот капитал иссяк. Присоединение в 1510-1523 годах новых земель, в основном западных, не столько дали резерв для испомещивания, сколько (в соответствии с принятой практикой [3, с. 173]) вызвали необходимость перевести тамошних феодалов в Замосковский край и испоместить их здесь. В 1550 году государство использует, вероятно, последние резервы земли для предоставления ее в "службу": около 200 тыс. десятин в Московском и ближайших уездах [3, с. 208]. Получившая эти земли тысяча "наиболее справных" помещиков образовала впоследствии нечто подобное царской гвардии и служила офицерскими кадрами для провинциальных дворянских ополчений.

Как разворачивались события с начала 1550-х годов, мы доподлинно не знаем. Можем лишь предполагать, исходя из текущих в это время процессов. Согласно Ключевскому, именно тогда "землю, недвижимость заставляли играть роль денег, заменять денежное жалование за службу" [3, с. 221]. Ясно, что деревни, которые получили новые помещики, были разными, но по большей части малыми (иногда на одно село приходилось несколько помещиков, порой помещики вовсе не имели крестьян). После массового испомещивания 1550 года четко обозначилась "тенденция к запустению в первую очередь худых земель", обезлюдивания малых деревень, и можно предположить, что многие новые помещики не получили должных средств к службе и за службу. Следовательно, *мы можем предполагать возникновение эффекта неплатежа заработной платы, который во все времена был чреват потерей верности служилых людей господину.* Мы не знаем размеры кризиса власти, но его высокая вероятность несомненна. Взоры советников царя обратились к "подрайской" (эпитет не случаен!) земле - Казанскому ханству.

В 1552 году была взята Казань, но вовсе не с тем, чтобы поставить ханство в вассальную зависимость (как это было в 1487 году при Иване III) и тем самым создать благоприятные условия для стихийной массовой крестьянской колонизации земель ханства, которая все равно шла несмотря на взаимные набеги татар и русских всю первую половину XVI века. Цель государства была иная: получить новый ресурс земли для испомещивания, т.е. колонизации, организуемой государством. Москва экспроприировала лучшие земли Поволжья - земли хана и татарской знати. Казань - татарская столица - была стерта с лица земли. Построена новая Казань - русская, в

которой татарам было запрещено селиться. Как писал известный татарский историк Г. Губайдуллин, "русские крестьяне приходили в наш край по принуждению, а часть их, ища спасение от усиливающегося гнета помещиков... На этой новой земле их прельщали, таким образом, свобода и обилие пустошей. Поступившие на службу к помещикам, эти крестьяне получали 10-летнюю льготу (от налогов и повинностей. - Э.К.), и новые хозяева бережно относились к ним вследствие недостатка рабочих рук... Правительство смотрело на это бегство на "землю казанскую" сквозь пальцы, желая быстро колонизировать новозавоеванный край, ибо кроме внутренних, существовали внешние причины" [6, с. 20, 21]. Крым и Турция выступили в защиту единоверцев татар, и с 1555-го до 1572 года шла напряженная борьба за Поволжье с Крымом и Турцией. В 1570 году Девлет-Гирей даже взял штурмом Москву, сжег и разорил ее. В самом Поволжье было неспокойно. Сразу же после взятия русскими войсками Казани началось восстание татар, марийцев и других народов ханства, которое, постепенно затухая, продолжалось до 1560 года.

"Голод по всем московским городам и по всей земле, а больше в за Волжье", в 1556-1557 годах необходимость отстаивать новые волжские рубежи от Турции и Крыма, начавшиеся ежегодные набеги крымцев на южные границы и вплоть до центральных областей государства создали в Московии почти невыносимое напряжение [7]. Не получив сразу ожидаемых результатов в Казани (чему помешали голод и восстание поволжских народов), но, мобилизовав большую армию, Иван Грозный ввязался в новую войну, обещающую быть победоносной, принести государству новые земли и тягловых крестьян. В 1558 году армия двинулась на запад, в Ливонию, где развитие событий лишь поначалу складывалось в пользу Москвы. Однако с 1560 года (определение срока [8, S. 126]) начались "годы великого запустения". Они знаменовались поражениями в Ливонской войне, непрерывными набегами крымцев, увозящих в полон тысячи крестьян. Чтобы вести борьбу на три фронта: на западе - против Польши и Швеции, на юге - против Крымского ханства (за которым стояла самое могущественное государство европейского средневековья - Турция), на востоке - держать войска против недавно покоренных народов Поволжья, требовалась большая армия. Надо было испоместить новые тысячи служилых, найти для них землю с крестьянами.

Действие 1. В кризисных условиях царь демонстративно отказался от власти, удалившись в Александровскую слободу. Народ просил царя не бросать его на произвол судьбы, а царь требовал для себя чрезвычайных полномочий и получил их. Гениальный Ключевский кратко и точно определил роль опричнины: "Царь как будто выпросил себе у государственного совета полицейскую диктатуру - своеобразная форма договора государя с народом". "На содержание этого (опричного. - Э.К.) двора, "на свой обиход и своих детей, царевичей Ивана и Федора, он выделил из своего государства до 20 городов с уездами и несколько отдельных волостей, в которых земли были розданы опричникам, а прежние землевладельцы выведены были из своих вотчин и поместий и получали земли в неопричных уездах" [3, с. 165].

Действие 2. "До 12 тысяч этих переселенцев зимой с семьями шли пешком из отнятых у них усадеб на отдаленные пустые поместья, им отведенные". Многие из депортированных и не депортированных бояр уничтожаются физически. "Князь Курбский в своей Истории, перечисляя жертвы Ивановой жестокости, насчитывает их свыше 400. Современники-иностранцы считали даже за 10 тысяч" [3, с. 174]. Парадокс в том, что униженные и оскорбленные, лишенные исконных древних прав и привилегий бояре практически не протестовали, кроме бежавшего за границу "диссидента" князя А. Курбского.

Действие 3. Диалог царя и Курбского, согласно Ключевскому, можно свести к двум фразам. Курбский: "Обычай у московских князей издавна желать братий своих крови и губить их убогих ради и окаянных вотчин, ненасытства ради своего". Царь: "Жаловать своих холопей мы вольны и казнить вольны же" [3, с. 155-158].

Действие 4. Народное, безгласное. Против политики царя выступили не бояре, но

простой народ и стал "голосовать" ногами. Заселение Поволжья началось сразу после взятия Казани. Но, надо полагать, народ массово побежал на новые земли, когда было "замирено" Поволжье, т.е. с начала 1560-х годов, и особенно по окончании политики опричнины. В итоге великого исхода "громадное, измеряемое многими десятками тысяч число деревень (от 50% до 90% в разных районах) превратилось в пустоши" [9, с. 170]. "Англичанин Флетчер по пути между Вологодой и Москвой встречал села, тянувшиеся на версту, с избами по сторонам дороги, но без единого обывателя..." [3, 298].

Пласт второй. Социально-экономическая история

Описаны ли в вышеприведенной версии исторических событий действительно решающие моменты, где есть и личности, и отдельный поступок - сюжет для трагедии шекспировского накала? Могла ли победа Ивана III и нестяжателей на соборе действительно изменить судьбу России или путь России был *предопределен* процессами исторического развития предшествующих веков? Ключевский утверждал: "Жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него, но без него это устроение пошло бы легче и ровнее..." [3, с. 184—187]. Действительно ли жизнь Московского государства устроилась бы так, как она устроилась, если бы вместо Ивана IV был бы другой государь?

Попробуем сначала найти ответ в рамках традиционного исторического социально-экономического анализа. Поскольку реальные интересы противоборствующих сторон были сосредоточены на проблемах собственности и владения землей, обратимся к понятию собственности, изменению порядка распределения ее в государстве.

Домонгольская Русь не знала соединения понятий владения и собственности на землю: русский князь домонгольского времени считался государем, но не владельцем земли, понятие о князе как о верховном землевладельце возникло только в монгольский период [3, с. 204]. Но право князя на землевладение не было наследственным. Оно давало вместе с ярлыком на княжение и передавалось с выдачей нового ярлыка от одного князя к другому. В отличие от княжеского сменяемого владения церковное владение землей, подтвержденное ярлыками, было связано не с той или иной конкретной личностью, а с церковью как институтом. Действительным верховным землевладельцем по монгольскому праву был хан Золотой Орды. После распада Золотой Орды это право распространилось на улусных властителей, в том числе на Великого князя Московского. В соответствии с древним монгольским правовым понятием вся земля в независимом Московском государстве, кроме земли церкви, была собственностью Великого князя. Он был вправе как предоставлять любую нецерковную землю во владение за службу, так и отбирать ее. В соответствии с этим правом "с половины XV века устанавливается правило, что все личные землевладельцы должны нести по земле воинскую повинность" [3, с. 190]. Это право распространялось и на наследственные владения бояр - вотчины. Государь конфисковал земли феодалов (чаще всего под предлогом нарушения условия службы - верности сюзерену, за измену), мог, предоставляя новые земли, отбирать старые, иными словами, перераспределять земельный фонд государства.

Перераспределение земельного фонда, использование его как бюджета постепенно превратилось в одну из основных функций Московского государства, а единоличная собственность государя на землю - основной вид собственности - стала экономической базой самовластья, диктата государства над обществом. Однако полной самодержавности препятствовала экономическая независимость церкви. Поэтому борьба за единственную неподконтрольную государству собственность - церковную - стала едва ли не главной целью государства. Если в Западной Европе между государством и церковью шла борьба за *власть*, то в Восточной - за *собственность*, конкретно, за собственность церкви. Эта борьба нуждалась в идеологическом обосновании.

Землевладельцы. Известны лишь тенденции в изменении владельцев земли на Руси. Вотчинные владения феодалов, за исключением московского князя, в течение всего XV века сокращались, земли церкви росли, "черные" крестьянские земли также росли с ростом населения (до середины XVI века) и осуществления крестьянами распашки лесной целины (до конца XV века). Количественные соотношения еще не поддаются анализу. Сколько кому тогда принадлежало земли в Северо-Восточной Руси, доподлинно не известно. Оценки историков весьма приблизительны. По ним, монастыри владели от 1/5 до 1/3 всей земли, "черные" (не зависимые от феодалов и зависимые от великого князя, т.е. государства) крестьяне также - от 1/5 до 1/3, государь и феодалы - 1/3 - 3/5.

Как утверждает Ключевский, "уже к половине XVI века монастырское землевладение достигло обременительных для государства размеров. Один из англичан, бывший в то время в Москве, писал, что монахи владеют третьей частью всей земельной собственности в государстве... Английский посол Флетчер, приехавший в Москву в 1588 году, пишет, что русские монастыри сумели занять лучшие и приятнейшие места в государстве" [3, с. 262].

Хотя не ясны реальные соотношения, их можно оценить. Так, если брать по нижнему пределу, то теоретический "резерв" для испомещивания за счет "черных" и церковных земель составил почти половину культивируемых площадей. Остальная земля была в руках феодалов. Качество пашни у "черных" крестьян и монастырей было разным: монастыри владели значительной частью плодородных старопахотных земель. Хорошая старопахотная земля означала не только более высокие и устойчивые урожаи, но и привязанность к ней крестьян, т.е. гарантировала землевладельцам получение ренты и возможность востребовать с последних верную службу.

Качественную характеристику землевладения одним из первых дал С. Соловьев. Его положения в целом разделяют современные историки. Он писал: "Новое Русское государство, составленное московскими князьями, было государство бедное, доходы великих князей были невелики... а между тем опасности со всех сторон, надобно отбиваться от врагов... на войско идет много денег; денег нет, но много земли, и потому стали раздавать земельные участки тем, кто шел служить к князю; пока служил, земли оставались за ним, переставал служить, землю отбирали; эти-то земельные участки и назвались поместьями, а владельцы их помещиками. Были и вотчинники, которые вечно владели своими землями, потому что получили их в наследство от предков; но... вотчины их все уменьшались от того, что каждому хотелось при смерти дать что-нибудь в церковь, особенно в какой-нибудь монастырь, на помин души, денег не было, и давали на помин души земли; монастыри обогащались, а светские землевладельцы беднели и должны были просить у великого князя поместий, чтоб иметь возможность служить... [10, с. 235, 236]. К тому же богатые монастыри переманивали крестьян (свободно переходивших в то время от одного хозяина к другому) у более бедных помещиков.

Историческая реальность. К концу XV века в Северо-Восточной Руси практически все земли, доступные к хозяйственному освоению, были освоены, о чем косвенно свидетельствует появление судебника 1497 года, и принадлежали феодалам (князьям, в том числе великому князю, и боярам на правах наследственного - вотчинного владения), не зависимым от бояр и, по существу, формально зависимым от князей "черным" крестьянам, а также церкви. Юридически зависимые только от великого князя земли "черного" крестьянства, попавшего в экономическую зависимость от светских и церковных феодалов, сокращались. Феодалные земли переходили из рук в руки. Часть трофейных земель князья раздавали в вотчины сподвижникам-боярам.

В отличие от феодалных (кроме владений великого князя) церковные земли за счет пожертвований и освоения лесной целины только возрастали. Церковь была государством в государстве, имела свои интересы, отличные от интересов светской власти. "Наиболее известным монахом-политиком второй половины XIV века был

Сергий Радонежский, - пишет Борисов. - Общежительская реформа способствовала превращению возглавляемого им монастыря во внутренне сильную, не зависящую от частных лиц корпорацию... Знаменательно, что и сам Сергий, и его ученики выполняли только те поручения великого князя, которые не противоречили интересам церкви. Они были убежденными сторонниками сильной, не зависящей от московских князей или же других светских властей церковной организации, способной оказывать влияние на все стороны государственной жизни... Уже в середине 70-х годов XIV века становится очевидным назревание острого конфликта между великокняжеской властью и воинствующими церковниками" [1, с. 95, 96].

Пока шел процесс объединения княжеских владений Москвой, церковь могла сохранять свою земельную собственность без оружия, играя на противоречиях светских феодалов. Когда эти противоречия были разрешены в пользу Москвы, аргументом могла стать только военная сила. За исключением Новгорода, где архиепископ (второй по значению в церковной иерархии Руси после митрополита) имел свой владычный полк, церковь военных соединений не имела. Разгром Новгорода был и разгромом *армии церкви* на Руси. С этого времени церковь могла сохранить свои огромные земельные владения, только апеллируя к моральным аргументам.

Ход событий последней четверти XV века. В ходе борьбы за подчинение Москве Новгорода Великого Иван III сначала раздал земли, конфискованные у новгородских бояр, боярам московским в награду за завоевание Новгорода, затем казнил основных новых (московских) землевладельцев на Новгородчине (и, согласно обычаям тех времен, экспроприировал их земли). Далее он вывел Новгород из-под юрисдикции московской Думы и, передав город в княжение своему сыну Василию, получил возможность экспроприации церковных земель без согласия на то бояр и церковников. Согласно Скрынникову, большая часть владычных владений была экспроприирована и роздана в поместья. Этому благоприятствовал, в частности, общественный критический настрой к церковникам.

Церковь всегда страшила паству близким концом света и необходимостью праведной жизни перед лицом Страшного суда. Конец света ожидался в 7000-м от сотворения мира, или в 1492 году от рождества Христова. Но в очередной раз он не состоялся. Авторитет церкви и религии был подорван. Торжествовали еретики. Они находили поддержку у великого князя. В 1499 году церковные вотчины Новгорода были розданы Московским великим князем в поместье своим дворянам. Однако новгородских земель оказалось недостаточно, и возникла проблема экспроприации всех остальных церковных земель Московского государства. Экспроприацию надо было обосновать. Для этого использовались все возможные для средневековой интриги методы, началась поддерживаемая государем идеологическая борьба.

Нестяжатели и иосифляне. Основной процесс общественно-политической жизни русской церкви на переломе XV-XVI веков - идеологическая борьба сил, которых впоследствии назвали нестяжателями и иосифлянами. В этой борьбе важны позиции сторон по отношению к роли труда, его месту в системе ценностей. Границей между нестяжателями и иосифлянами был вопрос об обязательности производительного труда для людей, посвятивших себя служению богу и возможности или невозможности жить за счет труда других.

"В XIV-XV веках монастыри в России переживали расцвет, - пишет Скрынников. - В центре и на окраинах появились сотни новых обителей... В пустынях иноки жили трудом своих рук и вели аскетический образ жизни. В богатых монастырях жизнь братии претерпела разительные перемены. Старцы... вели торговлю, занимались ростовщичеством, а полученные деньги тратили на приобретение недвижимости. Быстрому обогащению способствовали и пожертвования богомольцев... Состоятельные люди... любой грех... надеялись после кончины замолить чужой молитвой... Монахи назначали все более крупные суммы за внесение имени умершего в монастырские поминальные книги - синодики... Монахи... предавались стяжанию, собирали оброки с крестьян, вымогали жертвования у вдов, вели вполне мирской образ жизни.

Упадок благочестия в монастырях вызвал тревогу в церковных кругах. Лучшие умы церкви искали выход из кризиса. Нил Сорский развивал идеи аскетизма. Иосиф Санин отстаивал монастырские богатства, а спасение видел в умножении строгостей" [2, с. 156-158].

Победа иосифлян, по мнению Скрынникова, была обусловлена всем ходом исторического развития. Она лишила светскую власть морального обоснования секуляризации церковных земель. Возможность испомещивания, т.е. платы за службу, теперь была ограничена землями "черных" крестьян и перераспределением боярских земель. Вначале пошел процесс исчерпания земель великокняжеского домена. В 1550 году государство использует последние (и по всей вероятности, не слишком высокого качества) резервы великокняжеской земли Замосковного края для предоставления ее в "службу". Последовавший за этим захват "подрайской землицы" Казанского ханства и предоставление ее в "службу" является косвенным свидетельством дефицита "служебной" земли. По-видимому, и этой земли оказалось недостаточно, поскольку экономический смысл опричнины можно видеть в прецеденте использования следующего по очереди резерва - перераспределения боярской земли. При изгнании с половины территории государства наследственных владельцев земли - бояр, по сути дела, речь шла об экспроприации боярских земель. Опричнина является прецедентом, согласно которому в Московии утверждался *единый земельный собственник* - государство, все светские собственники становились временными арендаторами государственной земли. Еще в начале царствования Иван Грозный *считал* всех подданных холопами, но *сделал* их таковыми лишь в опричнину, лишив главного вида собственности.

Протестовали против политики царя лишь крестьяне. Как уже упоминалось, они бежали на новые земли. "Средний размер оставшихся поселений при этом возрос в 2-3 раза... Из массы поселений XVI века было восстановлено в разных районах от 30% до 50% поселений. Это количество, подверженное лишь случайным колебаниям, существовало едва ли не до столыпинской реформы" [9, с. 170]. Пашня в большинстве центральных уездов стала занимать 40-60% обрабатываемых земель [11, с. 42]. Особенно высока была степень запустения в Замосковном крае, а в нем - в самом густо населенном Московском уезде. Там в 1592-1593 годах осталось всего 1585 дворов, а в Звенигородском, Верейском, Рузском, Ярославском, Ростовском, Костромском, Угличском, Муромском и Суздальском в совокупности - 1637 дворов [9, с. 130]. Всего в Замосковном крае сохранилось немногим более 3 тыс. дворов. "...В Муроме на посаде в 8 лет (1566-1574) из 587 тяглых дворов осталось только 111..." [3, с. 298].

Чтобы представить себе действительные масштабы исхода, нужно обратиться к данным о периоде наиболее плотного заселения Замосковного края. Вспомним, что в 1550 году в Московском и ближайших уездах 1078 служилым людям было роздано зараз 176 775 десятин пашни. Исходя из норм и практики испомещивания, можно предполагать довольно широкий разброс данных о числе крестьянских семей, живших на землях, отданных новым помещикам: 15-35 тыс. Более точная оценка склоняется, скорее, к нижнему пределу. Поскольку средняя запашка крестьянского двора в XVI веке составляла 5-10 десятин (к концу века - 3-4,4), то на этих землях предположительно было 17,7-35 тыс. крестьянских дворов. При этом первая цифра коррелируется с долей служилой земли от всей: "В Московском уезде, по книгам 1623/1624 годов, за помещиками числилось 55% всей служилой земли, там значащейся"; 55% от 32 тыс. дворов, согласно расчету по данным Дегтярева, составляет 17,6 тысяч [3, с. 208, 285, 219; 9, с. 170]. Таким образом, в Замосковном крае остался в лучшем случае лишь каждый десятый ее житель, в худшем - каждый двадцатый.

Возникают вопросы: как и почему все это могло произойти? Ответа и необходимой аргументации в рамках социально-экономической истории найти невозможно, потому следует обратиться к социоестественной истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисов Н.С.* Русская церковь в политической борьбе XIV-XV веков. М., 1986.
2. *Скрынников Р.Г.* Государство и церковь на Руси XIV-XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991.
3. *Ключевский В.О.* Курс русской истории // *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 2. М., 1988.
4. *Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.
5. *Кульпин Э.С.* Человек и природа в Китае. М., 1990.
6. *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар // *Gubaidullin C., Firsov A.* From the Tatar Past. London, 1990.
7. Чтения Общества истории и древностей Российских. Кн. 3. М, 1895. С. 68, 69.
8. *Goehrke C.* Die Wüstungen in der Moskauer Rus // *Studien zur Siedlungs Bevolkerungs und Socialgeschichte.* Wiesbaden, 1968.
9. *Дегтярев А.А.* Русская деревня в XV-XVIII веках. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.
10. *Соловьев С.М.* Общедоступные сведения по русской истории. М., 1992.
11. *Колычева Е.И.* Демографические и социальные аспекты экономического кризиса 70-90-х годов XVI в. (По материалам центральных уездов) // *Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI - начало XX в.).* Вып. 1. Таллин, 1986.

© Э. Кульпин, 1997